
Свет,
который стирает

Lina Vey

Свет, который стирает

«Автор»
2026

Vey L.

Свет, который стирает / L. Vey — «Автор», 2026

В сером мире 2035 года, где небо давно потеряло цвет, только в душе одной девушки ещё остался свет бога. Пришельцы пришли за ней, чтобы она остановила апокалипсис, но никто не сказал ей, что каждый луч света будет стирать из неё часть себя.Они пришли за ней потому, что в её душе — единственный свет, способный остановить тьму. Но свет не выбирает, кого спасать: он показывает правду, которую все хотели скрыть. Апокалипсис пожирает реальность, и только пришельцы знают: спасти мир может та, в чьей душе горит божественный свет.

© Vey L., 2026
© Автор, 2026

Lina Vey
Свет, который стирает

СВЕТ,КОТОРЫЙ СТИРАЕТ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

2035 год. Город лежал под серым куполом, будто кто-то стёр с неба все краски, оставив только пепельную тишину. Дождь не шумел — он стекал по стёклам беззвучными полосами, словно слёзы, которым запретили плакать. В этом мире люди научились не замечать пустоту: они смотрели в экраны, чтобы не видеть улиц, говорили шёпотом, чтобы не тревожить тишину, и старались не думать о том, что реальность понемногу рассыпается по швам.

На окраинах, где сбои случались чаще, даже уличные фонари сдавались первыми: они гасли не по расписанию, а будто реальность «забывала» их включать. Иногда пропадали целые кварталы — не взрывались, не рушились, а просто стирались из восприятия: люди проходили сквозь пустое место и не замечали, что дома больше нет. А если замечали — вскоре переставали верить собственным глазам. Власти называли это «локальными когнитивными аномалиями» и транслировали в новостях успокаивающие ролики, где город выглядел целым и ярким. Но яркость была нарисованной.

Мия жила на окраине, в маленькой квартире с окнами, выходящими на заброшенный парк. Она не была героиней. Она просто замечала то, чего другие избегали: как тень становится чуть плотнее, как воздух будто густеет перед тем, как исчезнет кусок улицы, как в тишине нарастает что-то чужое. И в её груди, вопреки всему, тлел крошечный, упрямый свет — не огонь, не искра, а тихое, тёплое присутствие, которое она считала своей странной привычкой чувствовать слишком много. Иногда ей казалось, что этот свет просто усиливает её эмпатию: она ловила чужие тревоги, как радиопомехи, и подолгу не могла уснуть, потому что в соседних квартирах кто-то боялся, злился или отчаянно надеялся, что завтра всё наладится.

В тот вечер свет впервые стал видимым.

Он проступил сквозь кожу тонкими линиями, как трещины в фарфоре, только вместо разрушения — свет. Мия стояла у окна, когда заметила, что её рука светится изнутри. Она отдёрнула её, но свет не исчез. Он пульсировал в такт её дыханию, и в этот момент дверь распахнулась без стука.

На пороге стояли двое. Двухметровые, с кожей цвета полированного обсидиана, с глазами, в которых не было зрачков — только холодное мерцание. Они не выглядели враждебными, но в их присутствии воздух становился тяжёлым, как перед грозой.

— Мия, — произнёс тот, что стоял впереди, и голос его звучал не из горла, а будто прямо в сознании. — Мы пришли за тобой.

Она хотела закричать, но вместо этого спросила:

— Кто вы такие?

— Мы те, кто видит, как реальность рассыпается. Мы называем это пожиранием. И мы знаем, что остановить это можешь только ты.

Они звали себя хранителями равновесия. Их мир давно научился сосуществовать с хаосом, но Земля оказалась слишком хрупкой. Апокалипсис здесь был не взрывом, а тихим исчезновением: улицы растворялись, люди забывали, где живут, а воспоминания таяли, как лёд в горячей воде. По словам пришельцев, источник тьмы рос не в каком-то одном месте, а во множестве точек сразу — как сеть трещин, которые расползались по стеклу реальности. Их задача была не уничтожить тьму, а удержать равновесие, пока ткань мира не порвётся окончательно. И для этого им нужен был «якорь света» — сущность, способная временно стабилизировать пространство вокруг себя.

Их лидер, Астор, был другим. Он не смотрел на Мию с благоговением, как остальные. Он смотрел с тревогой. В его взгляде было не ожидание чуда, а понимание цены, которую придётся заплатить.

— Хорошо, — сказала она и побежала через окно — не потому, что поверила, что это про неё, а потому, что инстинкт кричал: «Не стой на месте».

В переулке её догнали. Один из пришельцев просто вытянул руку и коснулся её запястья — не грубо, а как будто проверял, работает ли датчик.

И тогда в ней вспыхнул свет.

Это было не красиво. Это не было «сиянием». Это было больно — как будто по нервам пустили ток, а изнутри вытолкнули воздух. Девушка вырвалась, прижимая руку к груди, и в тот момент, когда свет на секунду прорвался сквозь серую пелену, она увидела цвет. Настоящую зелень травы у стены, жёлтую облупившуюся вывеску, синюю тень. На одну секунду мир стал живым.

А потом свет погас. И вместе с ним из неё ушло что-то ещё.

Мия остановилась, тяжело дыша, и вдруг не смогла вспомнить имя кота. Просто знала, что он есть, рыжий, любит спать на подоконнике, но имя — исчезло, как будто его стёрли ластиком. Паника ударила в виски: не от пришельцев, не от апокалипсиса — от этой маленькой, личной потери.

Старый сосед, который курил у подъезда, посмотрел на неё странно — не испуганно, а с горьким пониманием.

— Говорят, свет забирает память, — тихо сказал он. — Чем сильнее ты светишь, тем больше забываешь. У нас тут уже были такие… «маячки», как их называли. Они светили, чтобы вернуть кусок улицы, а потом не могли вспомнить, как зовут их собственных детей.

Она сжала кулаки, чувствуя, как внутри снова шевелится этот чужой, болезненный свет.

— Нет, — прошептала Мия. — Я не дам стереть себя по кусочкам.

Но пришельцы уже стояли на углу, ожидая. И один из них — тот, что коснулся её, — впервые посмотрел на неё не как на объект, а почти как на человека.

— Времени мало, — сказал Астор. — Источник тьмы растёт. Ты можешь остановить его. Но никто не обещал, что ты останешься прежней.

Мия достала из кармана старую фотографию — на ней она смеялась, а тётя держала пирог. Это был один из тех редких дней, когда небо казалось чуть светлее. Она вгляделась в лица, запоминая каждую черту, и положила фото обратно.

— Хорошо, — сказала Мия, глядя на пришельцев. — Но я буду решать, когда светить. И я хочу помнить, ради кого я это делаю.

Город снова накрыла серая тишина. Но теперь она знала: тишина эта — перед бурей. И где-то в глубине её груди свет снова шевельнулся — не как приказ, не как сила, а как обещание, которое ей предстояло сдержать.

ГЛАВА ВТОРАЯ

— Стой. Не веди меня никуда, пока не скажешь всё. — Мия упёрлась каблуком в серый асфальт, будто это могло удержать и её саму, и рассыпающийся мир. — Что именно стирается? Память? Чувства? Или я однажды проснусь и не буду знать, как держать чашку?

Астор чуть наклонил голову. Его движения были слишком плавными, слишком выверенными, будто он учился копировать людей, но ещё не до конца понял, зачем нужны паузы между словами.

— Ты теряешь то, что создаёт дисбаланс, — произнёс он ровно, без интонаций. — В нашем понимании это «избыточные данные».

— Избыточные? — Мия горько усмехнулась. — Для кого избыточные? Для тебя? Для вашей коалиции? А для меня имя кота — не «данные», это… это мой дом.

Астор помолчал, будто сверял ответ с внутренней инструкцией. Но в этот раз пауза вышла чуть длиннее, чем раньше.

— Прости. Мы не умеем измерять это так, как ты. В терминах твоей культуры: исчезает то, что сильнее всего сопротивляется тьме. Эмоции, воспоминания, привязанности — они создают резонанс со светом. А резонанс — топливо. Топливо сгорает.

— То есть чем больше я чувствую, тем быстрее исчезаю? — голос дрогнул, но она не дала ему сорваться в крик. — Это несправедливо.

— Справедливость — не параметр уравнения, — спокойно ответил он. — Есть только баланс. Тьма поглощает реальность. Твой свет возвращает её. Цена — часть тебя.

Мия сжала кулаки, чувствуя, как под кожей будто шевелится этот чужой, колючий свет.

— А можно контролировать? Дозировать? Я не хочу просто вспыхивать и терять себя по кусочкам. Должен быть способ.

— Частичный контроль возможен, — признал он. — Сила откликается на намерение, но не подчиняется ему. Если ты скажешь «хочу чуть-чуть», свет может дать «чуть-чуть». Но если рядом источник тьмы, он сам потянет энергию. Это как пытаться лить воду в дырявое ведро.

— Значит, я не могу просто «не использовать»? — она посмотрела ему прямо в глаза — в них не было ни жалости, ни злорадства, только холодная сосредоточенность. — Если я спрячусь, если не буду светить… мир всё равно исчезнет?

— Да, — не стал он смягчать. — Процесс необратим без вмешательства. Локальные вспышки света могут замедлить исчезновение отдельных зон, но чтобы остановить источник, нужна полная активация.

— Полная активация… — она повторила эти слова, как будто пробовала их на вкус, и они оказались горькими. — И что тогда? Я стану пустой? Просто оболочка, которая выполнила задачу?

Он впервые не ответил сразу. На долю секунды в его взгляде мелькнуло что-то похожее на замешательство. А потом он чуть наклонил голову — жест, который в его исполнении почти напоминал сочувствие.

— Мы не знаем, — честно сказал он. — У нас нет данных о полной активации. Ни один носитель не доходил до этого этапа.

— Отлично, — выдохнула она, и в этом выдохе было больше усталости, чем злости. — Значит, я буду первым экспериментом.

— Ты не эксперимент, — вдруг твёрдо произнёс он. И в этот раз в его голосе прозвучало не цитирование протокола, а что-то личное. — Ты — единственный шанс. И… я не хочу, чтобы ты шла туда, как расходный ресурс.

Она замерла, услышав это «я». До сих пор он говорил только «мы», «коалиция», «протокол».

— Почему? — спросила она тихо. — Что тебе до меня?

Он на секунду опустил взгляд, словно подбирая слова не из базы данных, а из чего-то своего.

— Я видел, как миры исчезают, — сказал он почти шёпотом, будто боялся, что кто-то подслушает. — Не как наблюдатель. Как тот, кто остаётся после. Я знаю, как звучит тишина, когда больше некому вспоминать. Если ты будешь забывать — пусть это будет не напрасно. Пусть останется хоть кто-то, кто помнит, каким мир был до серого цвета.

Мия не сразу нашлась, что ответить. В груди вдруг стало тесно не от страха, а от странного, колючего тепла — будто кто-то впервые признал, что её потери имеют значение.

— Тогда скажи мне самое важное, — она снова посмотрела на него, уже спокойнее. — Если мне придётся выбирать… если будет момент, когда я смогу спасти целый район или сохранить одно воспоминание — что сработает лучше? Что даст больше времени миру?

Пришелец выдержал паузу, будто взвешивая каждое слово.

— Одно сильное, осознанное действие эффективнее множества мелких, — наконец сказал он. — Но цена будет выше. И она всегда индивидуальна. Никто не может предсказать, что именно ты потеряешь.

— Никто, кроме меня, — тихо добавила она. — Значит, решать тоже мне.

Он чуть склонил голову — жест, который теперь казался не просто копией человеческой привычки, а чем-то настоящим.

— Да. Мы можем вести тебя к цели. Можем объяснить физику процесса. Но момент использования света… он должен быть твоим выбором. И если ты решишь, что одно воспоминание важнее целой улицы — я не стану спорить. Я… постараюсь понять.

Она глубоко вдохнула, чувствуя, как серый воздух царапает горло. Потом достала из кармана ту самую фотографию — тётя, пирог, день, когда небо казалось светлее. Провела пальцем по краю, запоминая линии.

— Хорошо, — сказала она, убирая фото обратно. — Идём. Но с этого момента — никаких «просто свети». Каждый раз ты говоришь мне: сколько примерно это будет стоить, насколько хватит эффекта, и что я могу попытаться сохранить. Договорились?

— Договорились, — ответил он, и теперь в его голосе звучала не просто констатация факта, а обещание. — Я буду переводить уравнения на твой язык. И… если ты захочешь говорить не только о балансе и потерях, я тоже буду слушать.

— Этого достаточно, — кивнула она. — Пока достаточно.

— И да, кстати, ты не назвал своё имя. Или мне называть тебя пришелец?

— Астор, — твёрдо сказал он.

— Ну что ж, Астор, ведите меня.

Они двинулись по переулку, и с каждым шагом серая тишина будто становилась плотнее, как густой туман, который лип к одежде и оседал на ресницах. Мия старалась не смотреть по сторонам, но взгляд сам цеплялся за детали — за пустую витрину магазина, где ещё вчера висели плакаты, а сегодня стекло отражало только серость; за трещины на асфальте, которые расползались, словно чьи-то тонкие пальцы пытались пробиться из-под земли.

— Куда мы идём? — спросила Мия, когда молчание стало давить сильнее, чем воздух.

— К эпицентру последней аномалии, — ответил Астор, не замедляя шага. — Там ткань реальности истончилась сильнее всего. Если мы не стабилизируем зону, «пожирание» пойдёт волнами — сначала исчезнет этот район, потом соседние, а дальше… дальше процесс станет лавинообразным.

— И ты думаешь, что я смогу это остановить? — в её голосе не было бравады, только желание услышать хоть каплю уверенности.

— Я думаю, что ты можешь замедлить его, — поправил Астор. — Этого хватит, чтобы мы успели найти способ остановить тьму окончательно.

Впереди показался перекрёсток, который Мия помнила с детства: здесь всегда пахло свежей выпечкой из маленькой пекарни, а на фонарном столбе висела смешная табличка «Осторожно: тут живёт счастье». Теперь на месте пекарни зияла пустота — не дыра, не руины, а просто участок, который реальность будто «забыла» нарисовать. Даже воздух здесь ощущался иначе — тоньше, как будто дышать приходилось сквозь сито.

— Вот оно, — тихо произнёс Астор, останавливаясь на границе пустоты. — Видишь, как мерцает край? Это граница пожирания. Оно не просто стирает объекты — оно стирает саму возможность их существования.

Мия вгляделась в мерцание. Оно было похоже на рябь на воде, только вместо бликов — тёмные прожилки, пульсирующие в такт чему-то глухому и тяжёлому, будто под городом билось чужое сердце.

— Что мне нужно сделать? — прошептала она, чувствуя, как свет внутри неё отзывается на эту тьму, начинает пульсировать в такт с рябью.

— Пока ничего, — Астор мягко, но твёрдо положил ладонь ей на плечо — не для контакта, а чтобы удержать. — Сначала я покажу тебе, как выглядит «уравнение стабилизации». Это не магия, Мия. Это… настройка частот. Твой свет — это волна. Тьма — другая волна. Нам нужно, чтобы они на мгновение совпали по фазе и нейтрализовали друг друга.

Он поднял руку, и над его ладонью вспыхнул тонкий узор — переплетение линий, похожих на схему или карту. Линии мерцали, сдвигались, сплетались и расплетались, словно живые.

— Это проекция текущего состояния зоны, — пояснил он. — Видишь эти узлы? Это точки максимального напряжения. Если ты направишь свет на них, эффект будет сильнее. Но и цена…

— Будет выше, — закончила Мия, не давая ему смягчать удар. — Я поняла.

Узор дрогнул, и одна из линий резко потемнела, будто её поглотила тень.

— Время, — коротко бросил Астор. — Тьма усиливается.

Мия закрыла глаза, пытаясь собрать в кучу свои мысли, свои страхи, свою решимость — всё то, что делало её собой и одновременно становилось топливом для света.

— Скажи, — вдруг спросила она, не открывая глаз. — Если я сделаю это… если я направлю свет туда, прямо в узел… что я могу потерять на этот раз?

Астор не стал обещать лёгкого ответа.

— Не знаю, — честно признался он. — Может, запах этого района. Может, воспоминание о том, как ты здесь гуляла в детстве. Может, что-то совсем незаметное — например, умение различать оттенки серого. Но оно будет твоим выбором. Ты направишь свет, ты задашь вектор. Это уже не случайность.

Мия медленно кивнула. Открыла глаза. Посмотрела на мерцающую границу, на тёмные прожилки, на узор, который всё ещё висел над ладонью Астора.

— Ладно, — выдохнула она. — Давай попробуем сделать это осознанно. Покажи мне самый большой узел. Я хочу ударить туда.

Астор снова поднял руку, и узор сдвинулся, выделяя одну точку — самую тёмную, самую пульсирующую, словно она была сердцем всей аномалии.

— Вот здесь, — сказал он. — Если ты сможешь удержать фокус хотя бы на десять секунд, мы выиграем время.

Мия глубоко вдохнула. Сжала кулаки. И, глядя прямо на пульсирующую тьму, прошептала:

— Держи меня. Если я начну падать — держи.

— Буду, — тихо, но твёрдо ответил Астор.

И она позволила свету вырваться.

Это не было красивым сиянием. Это была вспышка боли — острой, колючей, будто по венам пустили не свет, а осколки стекла. Мир на мгновение взорвался цветом: Мия увидела не серую пустоту, а яркие, почти слепящие оттенки — изумрудную зелень, которой здесь не было уже годы, глубокий синий, которого она не знала, и золото, похожее на солнечный свет из старых воспоминаний.

А потом цвет погас. Серость вернулась, но теперь она была не такой плотной. На месте пустоты проступил слабый контур зданий — не чёткий, но узнаваемый. Мерцание по краю зоны стало тише, реже, будто чьё-то тяжёлое дыхание наконец замедлилось.

Мия пошатнулась. Астор подхватил её, не давая упасть.

— Получилось? — выдохнула она, чувствуя, как дрожат колени.

— Да, — в его голосе было больше облегчения, чем он хотел показать. — Мы выиграли время.

Мия попыталась улыбнуться, но улыбка вышла кривой. Она потянулась к карману, где лежала фотография. Пальцы дрожали, когда она доставала её.

Фотография была на месте. Тётя, пирог, светлый день. Лица были такими же.

Но когда она вгляделась внимательнее, сердце пропустило удар.

На фото не было её самой.

Там была только тётя с пирогом. И пустое место там, где должна была стоять Мия.

Она медленно подняла глаза на Астора. В горле пересохло.

— Я… я только что стёрла себя из этого воспоминания? — голос звучал чужим, тонким, как натянутая струна.

Астор не отвёл взгляда. Не стал врать.

— Похоже на то, — тихо сказал он. — Ты выбрала спасти зону. И свет выбрал, что забрать.

Мия долго смотрела на фотографию. Потом аккуратно убрала её обратно в карман. Сжала ткань куртки на груди, там, где под рёбрами всё ещё тлел упрямый свет — не как оружие, не как проклятие, а как что-то живое, что принадлежало только ей.

— В следующий раз, — сказала она, выпрямляясь и глядя Астору прямо в глаза, — я буду выбирать не только цель. Я буду выбирать, что оставить. Даже если это будет просто имя кота.

— Я помогу тебе держать этот выбор, — пообещал Астор. — Сколько смогу.

Серый ветер пронёсся по переулку, шевеля обрывки старых афиш. Но на один короткий миг Мие показалось, что в этом ветре мелькнул запах свежей выпечки — такой знакомый, такой невозможный в этом сером мире.

И она улыбнулась. Не потому, что стало легче. А потому, что хоть что-то ещё можно было почувствовать.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Улица будто затаила дыхание. Серый туман прижимался к стенам домов, словно боялся стать свидетелем того, что сейчас произойдёт. Он не просто стелился по асфальту — он цеплялся за выступы карнизов, обволакивал ржавые перила, будто пытался удержать этот квартал в реальности, пока ткань мира ещё держалась на нитках памяти.

Они стояли у подъезда старой пятиэтажки — она и двухметровый пришелец с сероватой кожей. За ржавой дверью жила тётя, единственный человек, который до сих пор называл её по имени, а не по номеру квартала или по функции: «та, что с светом». Для тёти Мия оставалась просто Мией — девочкой, которая в детстве собирала в карманы разноцветные камушки и верила, что если держать их крепко, то мир не сможет стать совсем серым.

— У меня три минуты, — сказала Мия, глядя на Астора, будто проверяя, хватит ли в нём человечности, чтобы не спорить. — Просто три. Я скажу ей, что всё будет хорошо. Даже если это неправда.

Он не ответил сразу. Его визор — тонкая пластина над глазами — мерцал тусклым синим, считывая параметры среды, фиксируя уровень угрозы, просчитывая временные окна. В его системе каждая секунда была ресурсом, каждый шаг — уравнением. И сейчас уравнение не сходилось.

— Протокол 7-Б запрещает задержки в зоне повышенной энтропии, — произнёс он ровно, но голос прозвучал чуть тише, чем раньше, будто он сам не хотел, чтобы эти слова прозвучали. — Риск дестабилизации сектора — 83 процента.

— Тогда скажи мне, что важнее: сектор или то, что делает сектор домом? — Она не повышала голос, но в нём звенело что-то твёрдое, как сталь в холоде. — Если я не скажу ей «до свидания», я уже не буду той, кто может этот сектор спасти.

Он снова замер, будто внутри него сталкивались два потока данных: инструкция и… что-то ещё. Что-то, что не поддавалось измерению в процентах. Мия заметила, как едва заметно дрогнул край его визора — будто система спотыкалась о то, чего не могла классифицировать.

— Я могу компенсировать риск, — вдруг сказал он, и в этом «я» снова прозвучало личное, не «мы». — На тридцать секунд я активирую стабилизирующий контур. Это снизит вероятность коллапса до приемлемого уровня. Но это будет нарушением протокола.

Мия посмотрела на него — не с благодарностью, а с пониманием.

— Ты понимаешь, что из-за этих тридцати секунд тебя могут отозвать? Или хуже.

Астор чуть наклонил голову — теперь это был уже не жест из учебника по контактам, а почти кивок.

— Понимаю. Но я видел, как миры исчезают без слов. Я не хочу, чтобы этот исчез тоже.

Она коснулась его руки — не как к союзнику, а как к человеку, который только что сделал выбор.

— Спасибо, — прошептала она и исчезла за дверью.

Тётя стояла у окна, смотрела на серую улицу, будто пыталась разглядеть в ней хоть один цветной отблеск. На подоконнике, как всегда, стояла маленькая глиняная чашка — Мия слепила её в седьмом классе, неровную, с крошащимся краем, и тётя до сих пор пила из неё чай, будто эта чашка удерживала в квартире остатки тепла. Когда девушка вошла, тётя обернулась, и на её лице вспыхнула та самая улыбка — не из надежды, а из привычки любить, даже когда надеяться не на что.

— Ты опять опаздываешь с хлебом, — сказала тётя и тут же поправилась: — Но ничего. Я всё равно рада, что ты пришла.

Девушка шагнула к ней, обняла крепко, до хруста в рёбрах, будто хотела передать через это объятие всё, что нельзя сказать словами: страх, вину, обещание вернуться.

— Прости, что я не смогу остаться, — выдохнула она. — Прости, что мне нужно уйти. Но я вернусь. Обязательно.

Тётя погладила её по волосам, как в детстве, когда мир ещё был цветным, а дождь пах мокрой землёй, а не серой пылью.

— Не извиняйся за то, что спасаешь нас, — тихо сказала она. — Только пообещай, что будешь помнить: ты не обязана становиться чужой, чтобы нас спасти. Что бы ни случилось с этим светом, ты — это ты. И этого достаточно.

Девушка сжала зубы, чтобы не заплакать. В груди уже шевелился свет — тихий, колючий, будто знал, что скоро придётся вспыхнуть. Он отзывался на её эмоции, как струна на прикосновение: чем сильнее чувство, тем громче резонанс.

— Обещаю, — сказала она, глядя тёте прямо в глаза, чтобы та поверила. — Я буду помнить.

И, не оглядываясь, вышла обратно в подъезд.

Пришелец всё ещё стоял там, где она его оставила. Контур стабилизации мерцал вокруг него слабым голубым ореолом — система работала на пределе, перераспределяя энергию так, чтобы эти лишние минуты не стоили сектору жизни. Тонкие линии энергии скользили по его броне, пульсируя в такт невидимому ритму, будто сам костюм пытался удержать равновесие, которое Астор сознательно нарушил.

Но рядом с ним стоял ещё один пришелец — выше, строже, с холодным взглядом и меткой командира на плече. Его визор не мерцал — он был тёмным, непроницаемым, как зеркало, в котором отражалась только пустота.

— Оператор 42-К, — голос командира был ровным, как лезвие. — Ты активировал автономный контур без санкции. Объясни причину.

Тот, кого она успела назвать «своим» пришельцем, не отвёл взгляда.

— Зона риска компенсирована, — спокойно ответил он. — Коллапс предотвращён. Причина задержки — необходимость сохранения когнитивной стабильности ключевого носителя. Без этого носитель не смог бы выполнить задачу.

Командир прищурился, будто пытался разглядеть за сухими формулировками что-то лишнее.

— Это не протокол, — сказал он. — Это интерпретация.

— Иногда протокол не учитывает переменные, которые нельзя измерить, — впервые в голосе пришельца прозвучала твёрдость, почти упрямство. — А я учитываю.

На секунду повисла тишина — та самая, в которой решаются судьбы не миров, а самих себя. Потом командир медленно кивнул.

— Мы доложим о нарушении, — произнёс он. — Но пока миссия продолжается, ты остаёшься в группе. Не потому что я одобряю. А потому что, возможно, именно эта переменная… — он чуть поколебался, будто подбирая слово, — человечность… окажется важнее всех расчётов.

Когда командир ушёл, пришелец посмотрел на девушку. В его глазах не было облегчения — только тяжесть принятого решения.

— Пойдём, — сказал он. — Время снова стало врагом. Но теперь у нас есть то, чего не было в протоколах: причина не сдаваться.

Она кивнула, чувствуя, как свет внутри неё больше не кажется чужим. Он был её болью, её памятью, её выбором. И теперь, когда Астор признал, что не всё можно измерить в процентах, свет будто стал чуть теплее, чуть послушнее — как будто он тоже слушал и понимал.

— Веди, — сказала Мия. — Но если снова будет момент, когда можно дать кому-то лишнюю минуту… я надеюсь, ты снова решишь её дать.

— Я тоже на это надеюсь, — тихо ответил Астор. — Потому что, кажется, я начинаю понимать: спасать мир — это не только про баланс. Это про то, чтобы в нём оставалось что-то, ради чего его стоит спасать.

Они двинулись прочь от подъезда. Серый туман расступался перед ними, будто признавал в них силу, способную удерживать реальность. Где-то вдалеке, за слоями серости, пульсировал источник тьмы — незримый, но ощутимый, как нарастающий гул, который проникал под кожу и заставлял свет в груди Мии отзываться в такт.

— Он становится сильнее, — прошептала Мия, чувствуя, как волоски на руках встают дыбом от чужого присутствия. — Я чувствую его. Как будто он зовёт меня.

Астор бросил короткий взгляд в сторону пульсации.

— Да, — подтвердил он. — Источник растёт. И чем ближе мы подходим, тем сложнее будет контролировать отклик света. Он будет тянуть из тебя больше, чем ты готова отдать.

— Значит, нам нужно не просто подойти, — сказала Мия, выпрямляя спину и заставляя голос звучать твёрже. — Нам нужно прийти туда, когда я буду готова платить. Не когда тьма заставит. Когда я сама решу.

Астор посмотрел на неё с новым уважением — не как на инструмент, а как на союзника, который учится владеть своей силой.

— Тогда мы будем идти так, чтобы ты успевала дышать, — пообещал он. — И чтобы у тебя оставалось время на то, что нельзя измерить.

Серый ветер пронёсся по двору, подхватил обрывок старой афиши и закружил его в медленном танце. На миг Мие показалось, что на бумаге мелькнул цвет — не серый, а тёплый, охристый, как солнце на старых фотографиях. Она не стала говорить об этом Астору. Просто улыбнулась краешком губ, будто этот крошечный отголосок цвета был маленьким знаком: мир ещё не сдался. И она тоже не сдастся.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Серый переулок пах мокрым бетоном и старой пылью — запахом, который уже стал для Мии синонимом «нормального дня». Но сегодня нормального не было. Сегодня она училась не спасать мир целиком, а чинить его по кусочкам — и платить за каждый кусочек собой.

Асфальт под ногами местами будто истончался: если присмотреться, сквозь него проглядывала странная пустота, не чёрная, а прозрачная, как воздух, который забыли наполнить смыслом. Такие «провалы» появлялись всё чаще, и Мия уже знала: если вовремя не дать свет, на этом месте перестанет существовать не только дорога, но и память о ней.

— Ты не должна пытаться осветить всё сразу, — тихо сказал Астор, стоя позади, почти вплотную, будто боялся, что она может исчезнуть в любую секунду. — Представь, что свет — это дыхание. Если вдохнёшь слишком резко — закружится голова. Если будешь дышать ровно — пройдёшь дальше.

Она сжала кулаки, чувствуя, как внутри шевелится этот колючий жар. То ли от света внутри, то ли от того, как близко он стоит.

— А если я ошибусь? — голос звучал хрипло. — Если я сделаю слишком много и забуду что-то важное?

— Тогда мы остановимся, — просто ответил он. — И будем помнить то, что осталось.

Перед ними был двор, который уже начал «стираться»: детская площадка теряла очертания, качели будто растворялись в воздухе, а песок под ногами становился не серым, а бесцветным — как будто его вообще не существовало. На скамейке сидела женщина, прижимала к себе ребёнка, и в её глазах была не паника, а та глухая усталость, которая приходит, когда перестаёшь надеяться.

— Я не могу просто пройти мимо, — прошептала девушка. — Они уже почти не видят площадку. Ещё немного — и они перестанут видеть даже друг друга.

Пришелец не стал спорить. Только кивнул.

— Тогда сделай самую маленькую вспышку. Не для того, чтобы вернуть всё. А чтобы вернуть одно: чтобы ребёнок снова увидел мамины глаза.

Она закрыла глаза. И попыталась не «вытолкнуть» свет, а просто… не прятать его. Как будто позволила ему проступить сквозь пальцы, не давая ему разгореться.

Вспышка была крошечной — не ярче зажжённой спички. Но в этом круге света вдруг проявился цвет: зелёный рукав куртки женщины, рыжие волосы ребёнка, тёмная полоса на скамейке — старая краска, которую никто не замечал годами.

Ребёнок поднял голову, уставился на маму — и вдруг улыбнулся. Просто так, без причины, как улыбаются, когда мир снова становится понятным.

Женщина вздрогнула, будто её ударило током. Потом прижала сына крепче — но теперь в этом объятии была не только тревога, а ещё и облегчение.

— Ты видишь? — тихо спросила девушка, почти не веря. — Он снова видит.

— Да, — кивнул пришелец. — И знаешь, что самое важное? Ты не стёрла ничего. Вспышка была слишком маленькой, чтобы забрать воспоминание. Она была ровно такой, чтобы дать надежду.

Девушка опустила руку, и свет погас, но во дворе ещё несколько секунд держался отголосок цвета — как эхо.

— Значит, так можно? — она посмотрела на Астора, и в этом взгляде впервые было не отчаяние, а надежда. — Не жертвовать собой ради целого города, а давать людям по чуть-чуть? Чтобы они помнили, ради чего стоит держаться?

— Можно, — подтвердил он. — Но это не отменяет главного. Источник тьмы всё равно растёт. Локальные вспышки не остановят его. Они только дают время. Время, чтобы ты нашла способ победить его окончательно.

Мия снова посмотрела на женщину и ребёнка. Теперь она видела не просто «ещё одну сцену в сером городе». Она видела, ради чего ей придётся дойти до конца.

— Тогда пусть это будет моим оружием, — сказала она твёрдо. — Пусть я буду тем, кто возвращает людям по одному цвету. И пусть каждый цвет будет обещанием: «Я здесь. Я ещё жива».

На следующем перекрёстке они встретили старика, который сидел на ступенях и шептал что-то, будто пытался удержать слова, пока они не исчезли вместе с миром.

— Я забываю, — хрипло сказал он, не поднимая глаз. — Забываю, как звали мою собаку. Забываю, какой был вкус у яблок. Как будто кто-то стирает всё подряд, а я не успеваю записать.

Девушка остановилась. Астор чуть напрягся — они опаздывали, маршрут требовал движения. Но Мия не пошла дальше.

— Скажите мне одно, — попросила она. — Самое важное. То, без чего вы не сможете быть собой.

Старик задумался, морщинистое лицо исказилось от усилия.

— Её звали Найда, — наконец прошептал он. — Она всегда бежала впереди, хвост трубой. И… яблоки были сладкие. Не кислые. Сладкие.

Мия кивнула. И снова позволила свету проступить — на этот раз чуть сильнее, но всё ещё не до боли. Вспышка накрыла ступени, и на секунду старик будто помолодел: в глазах появился блеск, а на губах — тень улыбки.

— Найда, — повторил он, пробуя имя на вкус, как будто заново узнавал его. — Сладкие яблоки… Да. Это было.

Когда свет погас, старик посмотрел на неё — не как на незнакомку, а как на того, кто вернул ему кусочек жизни.

— Спасибо, — сказал он просто. — Теперь я смогу рассказать это кому-то ещё.

И девушка вдруг поняла: даже если она сама забудет что-то по пути, эти люди будут помнить. Они станут её памятью. Её якорями.

Когда они свернули за угол, пришелец наконец заговорил:

— Ты делаешь то, чего не было в наших расчётах, — сказал он спокойно, но в его голосе звучало уважение. — Мы думали, что сила нужна для масштабных коррекций. А ты используешь её как… лекарство для надежды.

— Потому что мир — это не только здания и улицы, — ответила Мия. — Это люди, которые помнят, как всё было. Если они забудут — тьма уже победила, даже если город ещё стоит.

Астор чуть наклонил голову — уже не по протоколу, а по-человечески.

— Тогда я буду твоим навигатором, — сказал он. — Буду показывать, где угроза выше, но ты будешь решать, где дать свет. Потому что только ты знаешь, какой цвет важнее.

Он сделал паузу, будто подбирая слова, которые не были заложены в его базе данных.

— И ещё, — добавил он тихо. — Я буду тем, кто заметит, если ты начнёшь терять слишком много. Если однажды ты не сможешь выбрать, какой цвет оставить, я помогу тебе вспомнить. Не как протокол. А как тот, кто видел, как исчезают миры. Я не позволю этому исчезнуть бесследно.

Мия посмотрела на него и впервые не увидела в нём чужого. Он был не просто пришельцем, не просто проводником по уравнениям баланса. Он был тем, кто стоял рядом, когда реальность стирала её по частям, и не давал ей стать просто функцией в чужой схеме.

— Спасибо, — сказала она просто, без пафоса, потому что в этом месте пафосу было не место. — Этого достаточно.

Они пошли дальше, и теперь каждый их шаг был не просто движением по маршруту. Это был выбор: где остановиться, где дать крошечный свет, где позволить миру напомнить себе, что он когда-то был цветным.

Впереди, за следующим кварталом, воздух становился плотнее, будто сам город пытался сопротивляться тому, что с ним происходило. Мия чувствовала, как свет внутри неё отзывается на эту тяжесть, начинает пульсировать чуть быстрее, будто узнавал своего врага.

— Там, — Астор кивнул в сторону перекрёстка, где серые тени казались гуще, почти чёрными. — Уровень энтропии резко растёт. Если источник тьмы продолжит расширяться, такие локальные вспышки перестанут помогать. Нам придётся идти туда, где больнее.

Мия сжала кулаки, но не от страха, а от решимости.

— Знаю, — сказала она. — Но пока мы можем возвращать людям по одному цвету, мы не сдаёмся. Пусть тьма думает, что мы слабы. Пусть она не понимает, что каждый цвет — это обещание. Что мы будем держаться.

Астор посмотрел на неё с тем же уважением, с каким смотрят на тех, кто знает цену своему выбору.

— Тогда пойдём, — произнёс он. — И я покажу тебе, где риск выше. А ты покажешь мне, что стоит спасать.

Серый ветер пронёсся по улице, подхватил обрывок старой газеты и закружил его в медленном танце. На миг Мие показалось, что на бумаге мелькнул жёлтый цвет — тёплый, солнечный, как в детстве. Она не стала говорить об этом Астору. Просто улыбнулась краешком губ.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.